УДК 355

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.231243

Луньков Александр Сергеевич,

кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой философии

Института философии и права

Уральского отделения Российской академии наук

г. Екатеринбург,

E-mail: istorik1981@mail.ru

ORCID: 000-0001-9252-0107

Мобильность современной войны: от мягкой силы до грубого насилия

Современная война является сложным социальным явлением, для понимания которого важную роль играет дискурс мобильности. Целью данной статьи является изучение ряда современных концепций ведения войны и выявление роли и места в них концепта мобильности и понятий с ним связанных. Основное внимание уделяется теории «управляемого хаоса» С. Манна, концепции ненасильственного сопротивления Д. Шарпа и концепции «операции на основе эффектов» Д. Уордена. Все эти концепции были опробованы в рамках целого ряда военных конфликтов и «цветных революций» и органично вписываются в понятие «гибридной войны». Согласно теории «управляемого хаоса», феномен войны следует рассматривать с точки зрения новой научной парадигмы. Эта парадигма предполагает уход от классического «механицистского» понимания войны как процесса, поддающегося управлению и контролю. Парадигма хаоса анализирует международные отношения как суперпозицию векторов влияния огромного количества акторов. Поэтому линейно просчитать динамику международных отношений крайне сложно, если вообще возможно. Однако если овладеть технологией искусственного создания состояния хаоса в системе внутренних или внешних отношений государства-противника, то можно относительно простым способом добиться своих военно-политических целей. Концепция ненасильственного сопротивления предлагает конкретную, многократно апробированную методику начала движения к ситуации управляемого извне хаоса. Обычно государства довольно устойчивы к насильственным попыткам

ввергнуть их в состояние нестабильности, но при определенных условиях оказываются бессильны против «размывающей» силы ненасильственного сопротивления. Как это происходит на практике, демонстрируют многочисленные «цветные революции», которые чаще всего являются лишь первой фазой «хаотизации» государства-цели. Собственно военной фазой реализации теории «управляемого хаоса» может быть «операция на основе эффектов», в рамках которой государство-цель доводится до состояния стратегического паралича, что облегчает дальнейшую интервенцию и строительство новой государственности на данной территории. Сутью таких операций является использование сочетания прямых и непрямых военных воздействий на различные цели, уничтожение или блокирование функционирования которых вызывает эффекты в других стратегических сферах.

Ключевые слова:

мягкая сила, гибридная война, управляемый хаос, ненасильственное сопротивление, С. Манн, Д. Шарп, Д. Уорден.

Традиционно война понимается как некое социальное состояние, характеризующееся набором однозначных индикаторов. Эти индикаторы представлялись теоретикам и практикам настолько очевидными, что до середины XX века выяснение, находится ли то или иное государство в состоянии войны или нет, не вызывало особых затруднений. Однако уже Первая Мировая война породила целый ряд «стратегов» (в буквальном смысле, «военных хитростей»), которые были призваны скрыть до определенного момента от внешнего наблюдателя тот факт, что данное общество уже находится в состоянии войны. Скрытая мобилизация, негласный перевод промышленности на «военные рельсы» и т. д., – вот далеко неполный перечень этих «хитростей». Все они реализовывались с единственной целью – получить преимущество внезапности над противником.

Вторая Мировая война породила еще более изощренные способы подобной маскировки, но уже с другими целями. После окончания самой масштабной в истории человечества войны произошло осуждение военной агрессии как совершенно неприемлемого для государственной политики шага. Это привело к актуализации серьезного противоречия – война оказалась под запретом, а цели, достигаемые преимущественно военным

способом, остались. «Холодная война», «миротворческая операция», «антитеррористическая операция», «операция по принуждению к миру» и, наконец, «soft power» стали концептами, призванными вытеснить классический концепт «войны» из массового сознания. Вытеснить концепт, но не сам феномен. Потребителю «массовой информации» незачем знать, что его страна находится в состоянии войны.

Для изучения «нетрадиционных», «неклассических» форм ведения войны большим эвристическим потенциалом, на наш взгляд, обладает дискурс мобильности. Такие понятия и метафоры, как «сползание к войне», «бег от войны», «динамика военного конфликта» и другие иллюстрируют степень укорененности данного дискурса в военной мысли. Вплоть до того, что подобные понятия уже стали расхожими штампами обыденного мышления и активно используются институтами современных медиа для формирования общественного мнения. То есть сейчас данная риторика имеет высокий уровень понятности и доступности для восприятия.

Кроме того, на сегодняшний день военными теоретиками разработаны, а военным руководством ряда стран взяты на вооружение доктрины, напрямую связанные с концептом мобильности. Теория «управляемого хаоса», теория «мягкой силы», практика ненасильственного сопротивления, «террористическая война», «гибридная война» являются яркими примерами подобной военной мысли.

Согласно теории «управляемого хаоса», основным инструментом реализации военной стратегии является состояние неустойчивости армии и государства противника, создаваемое преимущественно невоенными способами. Данная неустойчивость может касаться разных аспектов социальной жизни. Главное – непрямыми действиями задавать тренд развития этой социальной неустойчивости, то есть направлять хаос социального недовольства в необходимое русло. Тем самым достигается мобильность, текучесть перехода от мирного недовольства к вооруженному сопротивлению населения своему государству, которую внешние силы могут использовать для достижения своих военно-политических целей.

Одним из первых идеологов применения теории «управляемого хаоса» в военном деле был американец Стивен Манн (род. 1951). В 1992 году вышла в свет его статья «Теория хаоса и стратегическая мысль» [Mann, 1992]. Журнал «Parameters» является главным научным журналом армии США,

поэтому публикация Манна сразу вызвала широкий интерес не только в американской военной среде, но и у иностранных специалистов. Среди основных тезисов Манна следует выделить следующие: 1) простое изменение средств войны (повышение мобильности армии, высокоточное оружие и т. д.) само по себе еще не приводит к изменению парадигмы традиционного механицистского военного мышления; необходимо менять само военное мировоззрение [Mann, 1992, p. 56]; 2) истинную ценность теории хаоса можно обнаружить на уровне национальной стратегии, так как она меняет то, как мы рассматриваем полный набор человеческих взаимодействий (только одним из которых является война) [Mann, 1992, p. 60]; 3) на первый взгляд незначительные акторы или события могут спровоцировать глобальные изменения на международной арене, если общая ситуация близка к порогу критичности [Mann, 1992, p. 62]; 4) мы обманываем сами себя, если выберем метафоры, которые предполагают, что долгосрочная стабильность может быть определяющей чертой мира. Миру суждено быть хаотичным [Mann, 1992, p. 62]; 5) каждый актор в политически важных системах обладает конфликтной энергией, активной силой, которая подталкивает изменения в статус-кво, тем самым способствуя формированию критического состояния [Mann, 1992, p. 64].

Эти тезисы являются констатацией определенных свойств мира, человеческого общества и арены международных отношений. Однако каковы возможные методы успешных действий в постоянно меняющемся, мобильном мире? Здесь уместно привести обширную цитату из статьи Манна:

«Конфликтная энергия отражает восприятие и ценности отдельного актора – короче говоря, идеологическое программное обеспечение, которым каждый из нас запрограммирован. Чтобы изменить конфликтную энергию народов – уменьшить или направить по пути, благоприятному для целей нашей национальной безопасности, – нам нужно изменить программное обеспечение. Как показали хакеры, наиболее агрессивный способ изменить программное обеспечение – это вирус, и что такое идеология, как не другое имя вируса для программного обеспечения человека?

С этим идеологическим вирусом, как нашим оружием, Соединенные Штаты должны перейти к окончательной биологической войне и принять решение, в качестве основы своей национальной стратегии безопасности, заразить целевые группы

идеологиями демократического плюрализма и уважения к индивидуальным правам человека. Благодаря сильным американским обязательствам, усиленным достижениями в области коммуникации и большей легкостью глобальных путешествий, вирус будет самовоспроизводиться и распространяться в пре-красно хаотичной форме» [Mann, 1992, p. 66].

Данная цитата иллюстрирует один важный для нашего обсуждения момент: повышение мобильности социальных групп (развитие средств коммуникации, глобальные путешествия и т.д.) ведет к повышению скорости распространения «идеологических вирусов». Распространение определенного рода идей является отправной точкой для запуска «управляемого хаоса».

Кроме этого С. Манн очерчивает контуры совершенно неизвестного для военного мышления феномена. Условно его можно обозначить как «метамобильность» военной стратегии. Сложность национальной безопасности предполагает, что необходимо разработать более всеохватывающее определение стратегии: не просто совпадение средств с целями, а соответствие парадигмы конкретному стратегическому вызову [Mann, 1992, p. 66]. Другими словами, мобильным, изменчивым должно стать само военное мышление. Парадигмой должна стать готовность использовать любую парадигму.

Мы далеки от мысли, что новая военная рациональность меняет природу войны. Скорее, наше мышление все ближе подходит к осознанию истинной природы этого явления. Хотя в каком-то смысле в данном случае философия и военная мысль возвращается назад, к идее Гераклита о войне как огне, стихии, изменчивой по своей природе. Следуя по стопам греческого философа, следует рассматривать мобильность как характеристику самого феномена войны, а не каких-либо его отдельных элементов.

Если в контексте вышесказанного рассмотреть логику мобильности современной войны от «мягкой силы» к «грубому насилию», то основными этапами этого движения будут следующие: 1) создание ситуации внутреннего кризиса; 2) ненасильственное сопротивление населения государству; 3) перерастание ненасильственного сопротивления в «цветную революцию»; 4) деградация государственных институтов и нарастание хаоса в стране; 5) миротворческая операция или интервенция для «стабилизации ситуации»; 6) искусственное формирование новой государственности. Подобный сценарий был реализован

уже в достаточном количестве стран, чтобы можно было говорить о сложившейся технологии.

Показательно, что стороны, вовлеченные в управляемый военный конфликт, осознают логику развития ситуации совершенно по-другому. Их военно-стратегическая рефлексия тяготеет к классической военной парадигме, в рамках которой феномен войны имеет больше степеней свободы и хуже контролируется. В качестве примера рассмотрим относительно недавний конфликт Грузии, Южной Осетии и России в августе 2008 года. Основные этапы, с точки зрения участников, в нем следующие: 1) независимое от участников будущего конфликта складывание ситуации хаоса (сама ситуация сложилась как типичный национальный конфликт на постсоветском пространстве); 2) нагнетание напряженности всеми сторонами конфликта (многочисленные провокации, обстрелы и т. д.) 3) институционализация будущего конфликта (военные учения России «Кавказ-2008» и грузино-американские «Immediate Response-2008», подготовка Цхинвала к обороне); 4) активная фаза конфликта с участием Грузии, Южной Осетии и России; 5) переход конфликта в «миротворческую» фазу – вмешательство США, Франции и др. стран; 6) прекращение конфликта на основе нового статус-кво.

Этот конфликт показывает преимущества технологий информационной войны и «мягкой силы» над традиционными способами ведения войны. США с помощью средств информационной войны смогли изменить стратегический баланс сил в черноморском регионе. Шумиха в прессе, демонстративные действия (отправка в Черное море боевых кораблей с миссией доставки гуманитарной помощи), дипломатические шаги, заранее заготовленные заявления политиков стоят несоизмеримо меньше, чем реально проливаемая кровь солдат на поле боя, но имеют более весомый эффект в определенных ситуациях.

С нашей точки зрения, по итогам этого конфликта Россия потерпела довольно серьезное политическое и дипломатическое поражение (враждебный режим в Грузии не был смещен, признание независимости Абхазии и Южной Осетии в неблагоприятной международной обстановке и т. д.). Это является поводом серьезно задуматься.

Важным аспектом динамики войны от «мягкой силы» к «грубому насилию» является характеристика отправной точки. Подобное движение должно начинаться с событий, находящихся как можно ближе к нормальной социальной динамике. Оптимальным началом «сползания» к хаосу является нена-

сильственное сопротивление. Наиболее известным практиком ненасильственного сопротивления был Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948). Однако если говорить о технологии ненасильственного сопротивления, которая подходит для использования в рамках любой политической и культурной среды, то она сложилась только в начале 1990-х годов. Одним из наиболее известных ее теоретиков был Джин Шарп (1928–2018) – американский общественный деятель и ученый. Его книга «От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения» впервые была издана как брошюра в 1993 г. на английском и бирманском языке и официально переиздана в 1994 г. «Комитетом по восстановлению демократии в Бирме» [Sharp, 2008, р. 1]. Короткая (73 страницы в первом издании) книга стала результатом длительного изучения практики ненасильственного сопротивления. Но сила ее влияния оказалась несоизмеримо больше ее размера. Она использовалась как практическое руководство не только в Бирме (современная Мьянма), но и в Югославии, Прибалтике, Украине, Египте и т.д. Рассмотрим основные моменты этой работы, важные в контексте нашего анализа.

В основе классификации диктаторских и демократических режимов находится критерий доступности политических прав и гражданских свобод [Sharp, 2010, р. 2–3]. В этом отношении Д. Шарп мыслит в русле традиционной для стран Запада парадигме. Безусловно, государственное насилие ведет к страданию населения. Однако государство по самой своей природе – инструмент насилия, и степень демократичности режима не играет здесь ведущей роли. Согласно исследованию А.И. Соловьева, «демократия как форма соучастия во власти элиты и незлитарных слоев отнюдь не гарантирует общественной направленности деятельности государственных органов. Поэтому теоретически надо признать, что прямая зависимость между расширением демократических принципов организации власти и уменьшением социального неравенства является всего лишь частным случаем в фактическом управлении государством» [Соловьев, 2015, с. 155].

По мнению Шарпа, было бы большой ошибкой полагаться на насильственные средства в борьбе с диктатурой, так как обычно диктатор лучше подготовлен к вооруженной борьбе, чем оппозиция [Sharp, 2010, р. 4]. Тем более что диктаторский режим только усиливается при разворачивании насильственного сопротивления [Sharp, 2010, р. 5]. При этом автор пытается концептуализировать понятие «мир» на основе использования

риторики справедливости. Данный факт подвигает нас к пониманию того, что состояние мира также может иметь свои градации, как и состояние войны. «Мир» тюрьмы или могилы является не лучшим приобретением [Sharp, 2010, p. 13–14]. Вряд ли стоит считать конструктивным компромиссом и шагом в сторону справедливого мира договоренность, что отныне диктатор будет расстреливать только 100 человек в день вместо 200. Очевидно, что у состояния мира, особенно мира справедливого, есть определенные критерии, и «фазовый переход» от насилия к миру произойдет только при их достижении.

Важной для нашего исследования представляется мысль Шарпа о продолжительности или «быстроте влияния» насильственных и ненасильственных действий. В традиционном понимании, насилие всегда действует быстрее, тогда как на достижение цели ненасильственными действиями нужно тратить больше времени [Sharp, 2010, p. 15]. Это подтверждают исторические примеры деятельности Ганди, Нельсона Манделы и других. Однако современная история предоставляет нам многочисленные примеры практически молниеносной смены правящего режима в результате процессов, начинавшихся как ненасильственное сопротивление. Все это благодаря изменившейся технологии ненасильственного сопротивления в условиях развития средств коммуникации, повышения мобильности населения и открытости общества. В понятиях теории систем все эти факторы повышают нестабильность системы. Все это можно еще более усугубить, если целенаправленно «атаковать» слабые места диктатуры (институциональные, коммуникационные и т. д.), которых Шарп насчитывает как минимум 17 [Sharp, 2010, p. 26–27].

Если вернуться к проблеме настоящего исследования, то следует отметить, что практические рекомендации Шарпа органично дополняют парадигму «управляемого хаоса». Более того, концепции Манна и Шарпа являются элементами реального военного строительства, осуществляемого США. В концепции этого строительства есть и более «военная» часть, так называемая теория «операций на основе эффектов» («effects-based operations»), которая была опробована в операциях против Ирака и Югославии. Ее автором является Джон Уорден (род. 1943), полковник ВВС США. В статье 1995 года «Враг как система» Уорден выдвигает новое понимание противника и боевых действий вообще. По его мнению, «как стратеги и творцы [военных – А.Л.] операций, мы должны избавиться от идеи о том, что

главной особенностью войны является столкновение вооруженных сил» [Warden, 1995, p. 42]. Уорден рассуждает в духе восточной стратегической мысли и вслед за Сунь-Цзы предлагает разбить замыслы противника или сделать его сопротивление невозможным: «На стратегическом уровне мы достигаем наших целей путем внесения таких изменений в одну или несколько частей физической системы противника, что враг решает принять наши цели, или мы сделаем физически невозможным для него противостоять нам. Последнее мы называем *стратегическим параличом*» [Warden, 1995, p. 43].

Для описания врага как системы Уорден разрабатывает модель пяти концентрических колец, которая олицетворяет разные уровни реального существования противника в физическом мире. Эта модель имеет четыре основных компонента: центральное руководство, органическую составляющую, инфраструктуру и население. Кроме того, имеется и пятый компонент, который защищает систему от внешней угрозы или деградации [Warden, 1995, p. 46]. При этом чем сложнее система, тем более затруднено ее обслуживание, и тем более вероятно, что вливания энергии в определенных местах ускорят естественное движение системы к беспорядочному состоянию или даже к хаосу [Warden, 1995, p. 46]. В данной концепции важным элементом является понятие «центра тяжести», который может располагаться в любых местах системы пяти колец. В реальности выявление этих центров тяжести и анализ их взаимовлияния является сложной задачей, своего рода проблемой «трех тяготеющих тел» только в военно-стратегическом контексте. При этом «каждое государство и каждая военная организация будут иметь уникальный набор центров тяжести или уязвимости» [Warden, 1995, p. 49]. Показательно, что Уорден также как предыдущие авторы подчеркивает важность и уязвимость информационных коммуникаций, так как «недостаток коммуникаций не только мешает сохранить национальный моральный дух на достаточно высоком уровне, но также облегчает мятеж со стороны диссидентских элементов» [Warden, 1995, p. 49]. И далее полковник Уорден пишет, что «почти наверняка есть действия, которые можно предпринять, чтобы побудить любое гражданское население противника оказать некоторую степень сопротивления политике своего правительства» [Warden, 1995, p. 50–51]. Однако, в отличие от предыдущих авторов, военный стратег предлагает не особо рассчитывать на методы косвенного влияния на население, так как «люди слишком непредсказуе-

мы» [Warden, 1995, p. 51]. Это пример того, что С. Манн считал бы механицистской парадигмой военного мышления. Невозможность однозначно предсказать эффект воздействия накладывает ограничение на использование метода косвенного воздействия на население противника.

Все перечисленные выше концепции и подходы в военной стратегии органично сочетаются в новом понимании войны как войны гибридной. По мнению отечественных исследователей, «одним из основных отличий «гибридной войны» от традиционной являются широкие возможности современных информационных технологий, которые становятся средством намеренного искажения информации, фальсификация истории, распространения заведомо ложных сведений, вбросов сфабрикованных «фактов» (так называемых фейков), а также использование самых грязных социальных технологий» [Филимонов, Данюк, 2017, с. 20–21]. Подобные воздействия достигают наибольшего эффекта в ситуации мировоззренческой неопределенности, текучести и изменчивости.

В теории мягкой силы применительно к феномену войны такую же ключевую роль играет мобильность как характеристика тех или иных социальных групп. Повышая мобильность (академическую, трудовую, культурную и т. д.), мы создаем впечатление движения вперед, прогресса, развития. Однако ценностью в данном контексте является не цель движения, а само движение, мобильность как самоцель. Тогда как уже на уровне акторов политики «мягкой силы» подобная «бесцельность» массовой мобильности является благодатной почвой для реализации конкретных военно-стратегических задач.

В современной практике террористической войны, которая является частью «гибридной войны», мобильность используется как буквально (мобильные приложения и социальные сети, как информационная составляющая терроризма), так и метафорически. Второй момент наиболее опасен, так как предполагает высокий уровень мобильности конкретного человека между состоянием «террорист» и «обычный гражданин». Сегодня даже не нужно оружие, чтобы человек по условному сигналу «мобилизовался» в террористическую армию и совершил акт террора. Автомобили, ножи и даже простые бытовые предметы делают из ничем не примечательного гражданина бойца, способного нанести ущерб противнику.

Резюмируя вышесказанное необходимо отметить, что современная война сильно отличается от традиционного пред-

ставления о ней. Сегодня уже не нужны огромные массы солдат и техники, сегодня на поле боя не сходятся миллионные орды в борьбе за клочок территории. Современная война это гибрид из очень разных по своей природе социальных состояний, когда воюющее государство параллельно с войной продолжает вести обычную мирную жизнь, а на поле боя прямые боестолкновения перетекают в миротворческие операции, а гуманитарные конвои являются средством оперативного маневра. Понимание подобных явлений должно осуществляться на основе дискурса мобильности, понимаемого предельно широко. Передовые в военном отношении государства, например США, уже взяли на вооружение военные доктрины и концепции национальной безопасности, важной частью которых являются понятия дискурса мобильности. Поэтому, перефразируя Льюиса Кэрролла, России, чтобы не остаться в прошлом, нужно быть готовой бежать со всех ног.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Соловьев А. И. 2015. Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства // *Власть и элиты* / гл. ред. А. В. Дука. СПб.: Интерсоцис. Т. 2. С. 152–170.
- Филимонов Г., Данюк Н. 2017. «Гибридная война»: интерпретации и реальность // *Свободная мысль*. № 3. С. 17–24.
- Mann S. 1992. *Chaos Theory and Strategic Thought* // *Parameters* (US Army War College Quarterly). Autumn. Vol. 22. P. 54–68.
- Sharp G. 2008. A Short History of «From Dictatorship to Democracy» [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20080324201611/http://www.aeinstein.org/organizations/org/FDTD_history.pdf (дата обращения: 11.10.2018).
- Sharp G. 2010. *From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation*. 4th U.S. Ed. The Albert Einstein Institution. 93 p.
- Warden J. 1995. *Enemy as a System* // *Airpower Journal*. Vol. 9, № 1. P. 40–55.

References

- Filimonov G., Danyuk N. «Gibridnaya vojna»: interpretatsii i real'nost' ["Hybrid war": interpretations and a reality], *Svobodnaya mysl'*, 2017, no. 3, pp. 17–24. (in Russ.).

Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought, Parameters (US Army War College Quarterly), 1992, Autumn, vol. 22, pp. 54–68.

Sharp G. A Short History of “From Dictatorship to Democracy”, 2008, available at: https://web.archive.org/web/20080324201611/http://www.aeinstein.org/organizations/org/FDTD_history.pdf (accessed October 11, 2018).

Sharp G. From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation, 4th U.S. ed., The Albert Einstein Institution, 2010, 93 p.

Soloviev A.I. Pravyashchaya elita Rossii: k voprosu o mekhanizmax i tekhnologiyakh politicheskogo gospodstva [Russian Ruling Elite: the mechanisms and the technologies of political domination], A. V. Duka. (ed.) Vlast' i elity, St. Petersburg, Intersotsis, 2015, vol. 2, pp. 152–170. (in Russ.).

Warden J. Enemy as a System, Airpower Journal, vol. 9, no. 1, pp. 40–55.

Alexander S. Lunkov,

Candidate of Historical Sciences,

Head of the Educational Department of Philosophy,

Institute of Philosophy and Law

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Ekaterinburg,

E-mail: istorik1981@mail.ru

ORCID: 0000–0001–9252–0107

The Mobility of Modern War: from Soft Power to Brutal Violence

Abstract

Modern war is a complex social phenomenon. The discourse of mobility plays an important role in its understanding. The purpose of this article is to study a number of modern concepts of warfare and to identify the role and place in them of the concept of mobility and the concepts associated with it. The focus is on S. Mann's theory of “controlled chaos”, G. Sharp's concept of non-violent resistance and J. Warden's concept of the “effects-based operation”. All these concepts have been tested in a number of military conflicts and “color revolutions” and fit well into the concept of “hybrid war”. According to the “controlled chaos” theory, the phenomenon of war

should be viewed from the point of view of a new scientific paradigm. This paradigm implies a departure from the classical “mechanistic” understanding of war as a process amenable to management and control. The paradigm of chaos analyzes international relations as a superposition of the influence vectors of a huge number of actors. Therefore, it is extremely difficult, or completely impossible, to calculate the dynamics of international relations. However, if one has the technology of artificially creating a situation of chaos in the system of internal or external relations of the enemy state, then one can achieve its military-political goals in a relatively simple way. The concept of non-violent resistance proposes a specific, repeatedly tested, method of initiating movement towards a situation of externally controlled chaos. Usually, states are fairly resistant to violent attempts to plunge them into a situation of instability, but under certain conditions, they are powerless against the “eroding” force of non-violent resistance. How this happens in practice is demonstrated by numerous “color revolutions”, which most often are only the first phase of “chaos” of the targeted state. Actually, the military phase of the implementation of the “controlled chaos” theory can be an “effects-based operation”, within which the target state is brought to a state of strategic paralysis, which facilitates further intervention and the construction of a new statehood in this territory. The essence of such operations is the use of a combination of direct and indirect military influences on various targets, the destruction or blocking of which causes effects in other strategic areas.

Keywords:

soft power, hybrid war, controlled chaos, non-violent resistance, S. Mann, G. Sharp, J. Warden.